

А. П. Чехов

**Лишние люди, очерки и
рассказы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ч-56

Ч-56 **Чехов А.П.**
Лишние люди, очерки и рассказы / А. П. Чехов – М.: Книга по Требованию,
2021. – 580 с.

ISBN 978-5-517-99027-3

ISBN 978-5-517-99027-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ры, да молить о помощи муха, понавшая на обѣдъ къ пауку. Окна завѣшаны кисейными занавѣсочками, сквозь которыя краснѣютъ блекнущіе цвѣты герани. На деревянныхъ некрашеныхъ стѣнахъ, около олеографій, дремлютъ мухи. Въ сѣняхъ, въ кухнѣ, въ столовой — ни души. Въ комнатѣ, которая въ одно и въ то же время называется гостиной и залой, Зайкинъ застаётъ своего сына, Петю, маленькаго, шестилѣтняго мальчика. Петя сидитъ за столомъ и, громко сопя, вытянувъ нижнюю губу, вырѣзываетъ ножницами изъ карты бубноваго валета.

— А, это ты, папа! — говоритъ онъ, не оборачиваясь. — Здравствуй!

— Здравствуй... А мать гдѣ?

— Мама? Она поѣхала съ Ольгой Кирилловой на репетицію играть театрѣ. Послѣзавтра у нихъ будетъ представленіе. И меня возьмутъ... А ты пойдешь?

— Гм!.. Когда же она вернется?

— Она говорила, что вернется вечеромъ.

— А гдѣ Наталья?

— Наталью взяла съ собой мама, чтобы она помогала ей одѣваться во время представленія, а Акулина пошла въ лѣсъ за грибами. Папа, отчего это когда комары кусаются, то у нихъ дѣлаются животы красные?

— Не знаю... Оттого, что они сосутъ кровь. Стало быть, никого нѣтъ дома?

— Никого. Только я одинъ дома.

Зайкинъ садится въ кресло и минуту тупо глядитъ въ окно.

— Кто же намъ обѣдать подастъ? — спрашиваетъ онъ.

— Обѣдать сегодня не варили, папа! Мама думала, что ты сегодня не приѣдешь, и не велѣла варить обѣдъ. Она съ Ольгой Кирилловной будетъ обѣдать на репетиціи.

— Покорнѣйше благодарю, а ты же что ѣлъ?

— Я ѣлъ молоко. Для меня купили молока на шесть копеекъ. Папа, а зачѣмъ комары сосутъ кровь?

Зайкинъ вдругъ чувствуетъ, какъ что-то тяжелое подкатываетъ къ его печени и начинаеть сосать ее. Ему становится такъ досадно, обидно и горько, что онъ тяжело дышитъ и дрожитъ; ему хочется вскочить, ударить ѓ-поль чѣмъ-нибудь тяжелымъ и разразиться бранью, но тутъ онъ вспоминаеть, что доктора строго запретили ему волноваться, встаетъ и, насилуя себя, начинаеть насвистывать изъ «Гугенотовъ».

— Папа, ты умѣешь представлять въ театрѣ?

— слышитъ онъ голосъ Пети.

— Ахъ, не приставай ко мнѣ съ глупыми вопросами! — сердится Зайкинъ. — Присталъ, какъ банный листъ! Тебѣ уже шесть лѣтъ, а ты все такъ же глупъ, какъ и три года назадъ... Глупый, распущенный мальчишка! Къ чему, напримѣръ, ты эти карты портишь? Какъ ты смѣешь ихъ портить?

— Эти карты не твои, — говоритъ Петя, оборачиваясь. — Мнѣ Наталья ихъ дала.

— Врешь! Врешь, дрянной мальчишка! — раздражается Зайкинъ все болѣе и болѣе. — Ты всегда врешь! Высѣчь тебя нужно, свиненка этакого! Я тебѣ уши оборву!

Петя вскакиваетъ, вытягиваетъ шею и глядитъ въ упоръ на красное, гнѣвное лицо отца.

Большіе глаза его сначала мигаютъ, потомъ заволакиваются влагой, и лицо мальчика кривится.

— Да ты что бранишься? — взянуть Петя. — Что ты ко мнѣ присталъ, дуракъ? Я никого не трогаю, не шалю, слушаюсь, а ты... сердисься! Ну, за что ты меня бранишь?

Мальчикъ говоритъ убѣдительно и такъ горько плачетъ, что Зайкину становится совѣстно.

«И правда, за что я къ нему придираюсь», — думаетъ онъ. — Ну, будетъ... будетъ, — говоритъ онъ, трогая мальчика за плечо. — Виновать, Петюха... прости. Ты у меня умница, славный, я тебя люблю.

Петя утираетъ рукавомъ глаза, садится со вздохомъ на прежнее мѣсто и начинаетъ вырѣвывать даму. Зайкинъ идетъ къ себѣ въ кабинетъ. Онъ растягивается на диванѣ и, подложивъ руки подъ голову, задумывается. Недавнія слезы мальчика смягчили его гнѣвъ, и отъ печени мало-по-малу отлегло. Чувствуются только утомленіе и голодъ.

— Папа! — слышитъ Зайкинъ за дверью. — Показать тебѣ мою насѣкомую коллекцію? — Покажи!

Петя входитъ въ кабинетъ и подаетъ отцу длинный зеленый ящичекъ. Еще не поднося къ уху, Зайкинъ слышитъ отчаянное жужжанье и царапанье лапокъ о стѣнки ящика. Поднявъ крышку, онъ видитъ множество бабочекъ, жуковъ, кузнечиковъ и мухъ, приколотыхъ ко дну ящика булавками. Всѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ бабочекъ, еще живы и шевелятся.

— А кузничикъ все еще живъ! — удивляется Петя. — Вчера утромъ поймали его, а онъ до сихъ поръ не умеръ!

— Кто это тебя научилъ прикалывать ихъ? — спрашиваетъ Зайкинъ.

— Ольга Кирилловна.

— Самое бы Ольгу Кирилловну приколотъ такъ! — говоритъ Зайкинъ съ отвращеніемъ. — Унеси отсюда! Стыдно мучить животныхъ!

«Боже, какъ онъ мерзко воспитывается», — думаетъ онъ по уходѣ Пети.

Павель Матвѣвичъ забылъ уже про утомленіе и голодъ и думаетъ только о судьбѣ своего мальчика. За окнами, между тѣмъ, дневной свѣтъ мало-по-малу тускнетъ... Слышно, какъ дачники компаніями возвращаются съ вечерняго купанья. Кто-то останавливается около открытаго окна столовой и кричитъ: «Грибковъ не желаете ли?» — кричитъ и, не получивъ отвѣта, шлепаетъ босыми ногами дальше... Но вотъ, когда сумерки сгущаются до того, что герань за кисейной занавѣской терлетъ свои очертанія и въ окно начинаетъ потягивать свѣжестью вечера, дверь въ сѣняхъ съ шумомъ открывается и слышатся быстрые шаги, говоръ, смѣхъ...

— Мама! — взвизгиваетъ Петя.

Зайкинъ выглядываетъ изъ кабинета и видитъ свою жену Надежду Степановну, здоровую, розовую, какъ всегда... Съ нею Ольга Кирилловна, сухая блондинка съ крупными веснушками, и двое какихъ-то незнакомыхъ мужчинъ: одинъ молодой, длинный, съ рыжей, курчавой головой и съ большимъ кадыкомъ, другой —

низенькій, коренастый, съ бритой актерской физиономіей и сизымъ, кривымъ подбородкомъ.

— Наталья, ставь самоваръ! — кричитъ Надежда Степановна, громко шурша платьемъ. — Говорятъ, Павелъ Матвѣевичъ пріѣхалъ? Павелъ, гдѣ ты? Здравствуй, Павелъ! — говорятъ она, вбѣгая въ кабинетъ и тяжело дыша. — Ты пріѣхалъ? Очень рада... Со мной пріѣхали двое нашихъ любителей... пойдѣмъ, я тебя представлю... Вотъ тотъ, что подлиннѣй, это Коромысловъ... прекрасно поетъ, а другой, этотъ маленькій... нѣкій Смеркаловъ, настоящій актеръ... чптаетъ великолѣпно. Уфъ, утомилась! Сейчасъ у насъ репетиція была... Великолѣпно идетъ! Мы ставимъ «Жильда съ тромбономъ» и «Она его ждетъ»... Послѣзавтра спектакль...

— Зачѣмъ ты ихъ привезла? — спрашиваетъ Зайкинъ.

— Необходимо, попочка! Послѣ чая намъ нужно роли повторить и пропѣть кое-что... Я съ Коромысловымъ дуэть буду пѣть... Да, какъ бы не забыть! Пошли, голубчикъ, Наталью взять сардинъ, водки, сыру и еще чего-нибудь. Они, вѣроятно, и ужинать будутъ... Охъ, устала!

— Гм!.. у меня денегъ нѣтъ!

— Нельзя же, попочка! Неловко! Не заставляй меня краснѣть!

Черезъ полчаса Наталья посылается за водкой и закуской; Зайкинъ, напившись чаю и съѣвши цѣлый французскій хлѣбъ, уходитъ въ спальню и ложится на постель, а Надежда Степановна и ея гости, шумя и смѣясь, приступаютъ

къ повторенію ролей. Павелъ Матвѣевичъ долго слышитъ гнусавое чтеніе Коромыслова и актерскіе возгласы Смеркалова... За чтеніемъ слѣдуетъ длинный разговоръ, прерываемый визгливымъ смѣхомъ Ольги Кирилловны. Смеркаловъ, на правахъ настоящаго актера, съ апломбомъ и жаромъ объясняетъ роли...

Далѣе слѣдуетъ дуэтъ, а за дуэтомъ звяканье посуды... Зайкинъ сквозь сонъ слышитъ, какъ уговариваютъ Смеркалова прочесть «Грѣшницу» и какъ тотъ, поломавшись, начинаетъ декламировать. Онъ шипитъ, бьетъ себя по груди, плачетъ, хохочетъ хриплымъ басомъ... Зайкинъ морщится и прячетъ голову подъ одеяло.

— Вамъ идти далеко и темно, — слышитъ онъ часъ спустя голосъ Надежды Степановны. — Почему вамъ не остаться у насъ ночевать? Коромысловъ ляжетъ здѣсь, въ гостиной, на диванѣ, а вы, Смеркаловъ, на Петинѣ постели... Петю можно въ кабинетѣ мужа положить... Право, оставайтесь!

Наконецъ, когда часы бьютъ два, все смолкаетъ... Отворяется въ спальнѣй двери и показывается Надежда Степановна.

— Павелъ, ты спишь? — шепчетъ она.

— Нѣтъ, а что?

— Поди, голубчикъ, къ себѣ въ кабинетъ, лягъ на диванѣ, а тутъ, на твоей кровати, я Ольгу Кирилловну положу. Поди, милый! Я бы ее въ кабинетѣ положила, да она боится спать одной... Вставай же!

Зайкинъ поднимается, накидываетъ на себя халатъ и, взявши подушку, плетется въ кабинетъ... Дойдя оцупью до своего дивана, онъ

зажигаетъ спичку и видитъ: на диванѣ лежитъ Петя. Мальчикъ не спитъ и большими глазами глядитъ на спичку.

— Папа, отчего это комары не спятъ ночью?
— спрашиваетъ онъ.

— Оттого... оттого, — бормочетъ Зайкинъ:
— оттого, что мы здѣсь съ тобой лишніе... Даже спать негдѣ!

— Папа, а отчего это на лицѣ у Ольги Кирилловны веснушки?

— Ахъ, отстань! Надоѣлъ!

Подумавъ немного, Зайкинъ одѣвается и выходитъ на улицу освѣжиться... Онъ глядитъ на сѣрое утреннее небо, на неподвижныя облака, слушаетъ лѣнливый крикъ соннаго коростеля и начинаетъ мечтать о завтрашнемъ днѣ, когда онъ, поѣхавъ въ городъ и вернувшись изъ суда, завалится спать... Вдругъ изъ-за угла показывается человѣческая фигура.

«Сторожъ, должно быть», — думаетъ Зайкинъ.

Но, взглянувъ и подойдя поближе, онъ узнаетъ въ фигурѣ вчерашняго дачника въ рыжихъ панталонахъ.

— Вы не спите? — спрашиваетъ онъ.

— Да, не спится что-то... — вздыхаютъ рыжіе панталоны. — Природой наслаждаюсь... Ко мнѣ, знаете ли, пріѣхала съ ночнымъ поѣздомъ дорогая гостья... мамаша моей жены. Съ нею прибыли мои племянницы... прекрасныя дѣвушки. Весьма радъ, хотя и... очень сыро! А вы тоже изволите природой наслаждаться?

— Да, — мычитъ Зайкинъ: — и я тоже природой... Не знаете ли, нѣтъ ли тутъ гдѣ-

нибудь поблизости какого-нибудь кабака или трактирчика?

Рыжие панталоны поднимают глаза къ небу и глубокомысленно задумываются...

1886.

Дачники

По дачной платформѣ взадъ и впередъ прогуливалась парочка недавно поженившихся супруговъ. Онъ держалъ ее за талию, а она жалась къ нему, и оба были счастливы. Изъ-за облачныхъ обрывковъ глядѣла на нихъ луна и хмурилась: вѣроятно, ей было завидно и досадно на свое скучное, никому не нужное дѣвство. Неподвижный воздухъ былъ густо насыщенъ запахомъ спрени и черемухи. Гдѣ-то, по ту сторону рельсовъ, кричалъ коростель...

— Какъ хорошо, Саша, какъ хорошо! — говорила жена. — Право, можно подумать, что все это снится. Ты посмотри, какъ уютно и ласково глядитъ этотъ лѣсокъ! Какъ милы эти солидные, молчаливые телеграфные столбы! Они, Саша, оживляютъ ландшафтъ и говорятъ, что тамъ, гдѣ-то, есть люди... цивилизація... А развѣ тебѣ не нравится, когда до твоего уха вѣтеръ слабо доноситъ шумъ идущаго поѣзда?

— Да... Какія, однако, у тебя руки горячія! Это оттого, что ты волнуешься, Варя... Что у насъ сегодня къ ужину готовили?

— Окрошку и цыпленка... Цыпленка намъ на двоихъ довольно. Тебѣ изъ города привезли сардины и балыкъ.

Луна, точно табуку понюхала, спряталась за облако. Людское счастье напомнило ей объ ея одиночествѣ, одинокой постели за лѣсами и долами...

— Поѣздъ идетъ! — сказала Варя. — Какъ хорошо!

Вдали показались три огненные глаза. На платформу вышелъ начальникъ полустанка. На рельсахъ тамъ и сямъ замелькали сигнальные огни.

— Проводимъ поѣздъ и пойдемъ домой, — сказалъ Саша и зѣвнулъ. — Хорошо намъ съ тобой живется, Варя, такъ хорошо, что даже не вѣроятно!

Темное страшилище безшумно подползло къ платформѣ и остановилось. Въ полусвѣщенныхъ вагонныхъ окнахъ замелькали сонныя лица, шляпки, плечи...

— Ахъ! Ахъ! — слышалось изъ одного вагона. — Варя съ мужемъ вышла насъ встрѣтить! Вотъ они! Варенька!.. Варечка! Ахъ!

Изъ вагона выскочили двѣ дѣвочки и повисли на шеѣ у Вари. За ними показались полная, пожилая дама и высокій, тощій господинъ съ сѣдыми бачками, потомъ два гимназиста, навьюченные багажомъ, за гимназистами гувернантка, за гувернанткой бабушка.

— А вотъ и мы, а вотъ и мы, дружокъ! — началъ господинъ съ бачками, пожимая Сашину руку. — Чай, заждался! Небось, бранилъ дядю за то, что не ѣдетъ! Коля, Костя, Нина, Фифа... дѣти! Цѣлуйте кузена Сашу! Всѣ къ тебѣ, всѣмъ выводкомъ, и денька на три, на четыре. Надѣюсь, не стѣснимъ? Ты, пожалуйста, безъ церемоніи.

Увидѣвъ дядю съ семействомъ, супруги пришли въ ужасъ. Пока дядя говорилъ и цѣловался, въ воображеніи Саши промелькнула картина: